

ТИХАЯ АКАНЭ

**АРОМАТ
ПРОЗРАЧНОЙ
НОЧИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Т46

Akane Chihaya
TOMEI NA YORU NO KAORI
(The Scent of Transparent Night)

First published in Japan in 2020 by SHUEISHA Inc., Tokyo.

Впервые опубликовано в Японии в 2020 г. издательством
SHUEISHA Inc., Tokyo.

Перевод с японского *Е. Хузиятовой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Russian Edition published by arrangement with
Shueisha Inc., Tokyo in care of Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo.

Русскоязычное издание печатается с разрешения
Shueisha Inc., Tokyo и при содействии Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo.

Тихая, Аканэ.

Т46 Аромат прозрачной ночи : [роман] / Тихая Аканэ ;
[перевод с японского Е. Хузиятовой]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Neoclassic: уютная
Япония).

ISBN 978-5-17-174902-6

Страдая от душевной травмы, двадцатипятилетняя Вакамия Итика полностью уходит в себя. Она отдаляется от семьи, увольняется с работы и даже из дома выбирается только ради похода в ближайший супермаркет. Однако деньги на банковском счету девушки постепенно кончаются, и Итика, зацепившись за объявление в магазине, устраивается экономкой к Огаве Саку, одаренному парфюмеру, способному учуять или воссоздать любой аромат по заказу его крайне необычных клиентов. Вдова хочет вспомнить запах своего покойного мужа, популярной актрисе нужны специфические ароматы для лучшего погружения в роли, а страдаемые от беспокойства родители просят парфюмера найти их пропавшую дочь.

Создаваемые Саку ароматы пробуждают воспоминания, вызывают эмоции и меняют жизни, но сам мужчина из-за своего необычайно чуткого обоняния остается одинок. И вот, почувствовав родство душ, Итика и Саку начинают постепенно сближаться...

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Akane Chihaya, 2020
© Школа перевода В. Баканова, 2025
© Перевод. Е. Хузиятова, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

1. Начальная нота

Цветы. Яркие.

Вспышка алого режет глаза, и я замираю.

Еще шаг — и я на улице. Еще шаг — и я выйду из тени. В такие моменты у меня всегда начинается кружиться голова от ослепительного света и цвета. И всякий раз я начинаю колебаться.

Я выглядываю из тесной прихожей в своей маленькой съемной квартирке и вижу, как из двери в глубине первого этажа появляется женщина. Она быстро проходит мимо, в раздражении задевая меня большим, раздутым от вещей бумажным пакетом.

Потеряв равновесие, я задеваю плечом стену. Гладкий бетон на ощупь холодный: как его ни грей — тепло растворяется бесследно, и поверхность остается непоколебимо ледяной. Мне кажется, я на него похожа: внутри меня, там, откуда понемногу просачиваются воспоминания, царит такой же холод.

Я опускаю голову и вижу лестницу, по которой только что спустилась. Белое пятно солнечного света медленно тянется к нижней ступеньке. На-

верное, лучше вернуться в комнату. Выйду, когда стемнеет. Днем в это время года на улице все слишком яркое.

— С тобой все в порядке? — окликают меня.

Подняв глаза, я вижу сгорбленную спину хозяйки дома, которая, присев на корточки, склонилась над корнями вьющихся роз. Она выпрямляется, потирая рукой поясницу, но все равно не может разогнуться до конца. В другой руке у нее пучок сорняков и засохших листьев.

За ее спиной — живая изгородь с аркой в английском стиле, увитой розами с пышной зеленой листвой; все это кажется совершенно чужеродным на фоне безликой бетонной стены. Бутоны, которые в последний раз, когда я их видела, были еще плотно закрыты, теперь распустились крупными цветами — словно алую краску расплескали крупными каплями. В глазах начинает рябить. Розы — это хобби пожилой хозяйки дома, чьи окна выходят на задний двор.

— О-хо-хо... — ворчит она, целеустремленно приближаясь ко мне.

На ней фартук; седые волосы, окрашенные в лиловый оттенок, уложены под сетку.

— А девица-то от него наконец сбежала, — произносит она. Я понятия не имею, о чем речь, поэтому бормочу что-то неразборчивое — белый шум, который так и не сложился в слова. Впрочем, хозяйку это ничуть не смущает:

— Видала, какой пакет огромный? И с таким злющим лицом за дверь вылетела! — говорит она, кивая в ту сторону, куда ушла женщина. — Это

она к Такаде ходила из сто второй квартиры. — Видимо, досадуя на мою недогадливость, хозяйка начинает быстро-быстро шептать мне в ухо: — Ты что, не слышала — они в последнее время каждый вечер ругались! Такой шум стоял! Ну, хоть теперь угомонятся. Такада этот, конечно, сам хорош. У него ведь дома жена и ребенок, а он что? Приехал сюда по работе — и ну к себе эту бабу водить в открытую.

При этих словах я припоминаю, что действительно слышала, как пара ссорится. Но главным образом смотрю на морщины вокруг губ хозяйки: они то растягиваются, то сжимаются, пока она говорит. Когда кричали — этой ночью? В своей комнате с закрытыми шторами я и не замечаю, какое на дворе время суток.

Хозяйка вдруг поднимает глаза и глядит мне в лицо.

— А тебя давно не было видно, — говорит она.

Я вздрагиваю — как всегда, когда встречаюсь с кем-то глазами. Сглотнув, изображаю на лице улыбку.

— Правда?

Она возится с розами каждый день — и пользуется этим, чтобы наблюдать за жильцами: кто куда пошел, кто чем занят. Не стоит недооценивать проницательность завязтых сплетников: они мигом распознают любую ложь.

— Куда это ты собралась? — спрашивает она.

— В магазин...

Я перехватываю поудобнее холщовую экосумку, в которой болтаются только кошелек и мобильный.

Хозяйка придирчиво осматривает меня с ног до головы: старые кроссовки; худи, которое я ношу еще со школьных времен; полосатое платье-футболка — ворот растянут, отчего оно стало похоже на ночную рубашку. Очки, чтобы скрыть не тронутое макияжем лицо, — я даже потрескавшиеся губы гигиенической помадой не мажу. В таком виде можно отправиться только в ближайший супермаркет. Впрочем, ходить мне больше некуда.

Какое-то время я, кивая, слушаю сплетни, которые мне рассказывает хозяйка, — пока наконец не нахожу удобный момент, чтобы вставить: «Извините, я побежала», — и нырнуть под увитую розами арку. Спиной я чувствую, как старуха сверлит меня взглядом. Наверняка уже догадалась, что я сижу без работы.

Путь мой лежит через спальный район. Я думала, что пока стою с хозяйкой, глаза успеют привыкнуть к яркому солнцу. Но нет, оно все так же слепит. Солнечные лучи путаются в качающихся на ветру ветвях, рассеиваясь во всех направлениях. В потоках света очертания предметов становятся слишком резкими; стоит распахнуть глаза — и кажется, будто мир наваливается на меня всей своей тяжестью. Где-то в глубине глазных яблок ощущается боль. Наверное, зрение слабеет от того, что я все время сижу взаперти. Я бреду, опустив голову и уставившись в серый асфальт, пока воздух не разрывает пронзительная трель велосипедного звонка. Отойти в сторону я не успеваю и просто замираю на месте, вжав голову в плечи. Велосипед проезжает мимо.

Даже на пешеходном переходе я мешкаю, когда зажигается зеленый, и в итоге оказываюсь позади старика с тележкой — тот медленно шаркает через улицу, я плетусь за ним и едва успеваю перейти, когда зеленый уже начинает мигать.

Решаю сделать крюк и пройти мимо книжного магазинчика возле железнодорожной станции. Скопив глаза, заглядываю внутрь: там я раньше работала. Теперь все выглядит иначе: книжные шкафы переставлены, постеры поменяли. Сацуки-тян, моя бывшая коллега, болтает о чем-то с постоянным клиентом, одновременно расставляя на полке журналы. Блузка, клетчатый жилет, темно-синяя юбка — я уже не помню, как сама выглядела в этой униформе. Какое выражение лица у меня было? А осанка — такая же прямая, как у Сацуки? Она бросает взгляд в мою сторону, и я, опустив глаза, ускоряю шаг.

В супермаркете посреди рабочего дня почти никого нет; тепло — кондиционер работает вполсилы. В углу с уцененными товарами громоздятся картонные коробки с вялыми капустными листьями — лишь в одной из коробок завалилось два кочана. Выглядят они слишком тяжелыми, и я отхожу.

Надо бы проверить, сколько денег осталось в кошельке. Там обнаруживается шесть тысяч иен и немного мелочи. Даже если сидеть дома и никуда не выходить, расходы накапливаются: приходится оплачивать квартиру и коммунальные услуги. Сбережения на счету тают — теперь там уже меньше двухсот тысяч. Поступлений в этом месяце не предвидится.

Я вздыхаю, брожу между стеллажами и в конце концов набиваю корзину сублимированной лапшой и сладкими булками. Сырое мясо и овощи аппетита не вызывают — а главное, вряд ли я стану из них что-то готовить. На кассе протягиваю две купюры по тысяче иен и получаю обратно немного мелочи.

Перекладывая лапшу и булочки из корзины в экосумку, я замечаю перед собой пробковую доску — здесь, похоже, вешают местные объявления: виднеется реклама танцевальных кружков да ярмарок. В самом низу, почти выходя за границы доски, висит на кнопке листок, на котором почти все пространство осталось чистым.

«СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ СОТРУДНИК, — размашисто написано жирными буквами. — Помощь по хозяйству, секретарские услуги, общение с клиентами. Без опыта. Условия по результатам собеседования».

И больше ничего. Только номер из одиннадцати цифр — видимо, мобильный, — и адрес электронной почты. Ни названия компании, ни адреса, ни графика работы, ни требований по возрасту. Это все тоже — «по результатам собеседования»? Непритязательный листок выделяется среди развешанных на доске ярких флаеров.

Семейное предприятие какое-нибудь? Может, там всегда только свои и работали, так что они и не умеют сотрудников нанимать? Несуразное объявление выглядит мило, по-домашнему.

Я поднимаю телефон, чтобы сфотографировать листок. Камера щелкает неожиданно громко. Хочу

проверить, нормальный ли получился снимок, но в поле моего зрения сбоку вдруг всплывает переполненная продуктами корзина. Женщина средних лет с толстыми руками наклоняется и энергично тянет на себя рулон полиэтиленовых пакетов, которые моя собственная корзина ей заслоняет. Я убираю телефон в сумку и освобождаю место.

Вернувшись домой, я обнаруживаю, что хозяйка уже ушла. От мокрой клумбы, где растут розы, поднимается запах свежей земли. Политые цветы, кажется, алеют еще ярче. Я тащусь к себе в квартиру, где опускаюсь на пол в своей маленькой кухоньке, в уютном прохладном полумраке.

Вытаскиваю из сумки булку, разворачиваю упаковку и вгрызаюсь в огромную — величиной чуть ли не с мою голову — слоеную «улитку». Плотное тесто мнется в зубах, к губам липнет белая приторная глазурь, которой булка покрыта сверху. Сладко. Жирно. Ничего, кроме этого, я разобрать не могу. Даже не уверена, что булка мне нравится, но, начав есть, уже не могу остановиться — и продолжаю монотонно жевать.

Сладость становится нестерпимой, и я залпом выпиваю бутылку зеленого чая, которую купила в автомате у входа. В супермаркете было бы дешевле, однако в тот момент я ни о чем не задумалась.

— Надо найти работу, — бормочу я. В тесной комнатухе с занавешенными окнами мой тихий голос звучит неожиданно отчетливо.

Беру телефон и нахожу фотографию с объявлением. Она не в фокусе, но разглядеть цифры можно. Позвонить? Несколько секунд я собираюсь

с духом, потом подползаю к низкому столику, чтобы взять с него ручку. Бумагу найти так и не удается. В конце концов я записываю телефон на обороте завалывшегося в кошельке чека — и чувствую удовлетворение, будто с одной задачей уже справилась.

Встав с пола, я усаживаюсь на свою незастеленную кровать. Делаю глубокий вдох. Набираю номер.

Нет ответа. Жду, когда прозвучит десять гудков и собираюсь уже сбросить вызов, как вдруг раздается «Слушаю!» — такое громкое, что я невольно отвожу телефон от уха. Говорящий как-то особенно растягивает «ю».

— Алло, кто говорит? — настойчиво интересуются из трубки. Голос вроде мужской.

— Э-э-э, я тут увидела ваше объявление...

— Что? — раздраженно переспрашивают меня, будто не расслышав. Судя по звуку, мой собеседник тоже находится в помещении, но там то и дело раздается шуршание, будто что-то скребут. — А, вы по поводу работы, да? — припоминают в трубке и небрежно добавляют: — Спасибо, что позвонили. Нам потребуются ваше имя, возраст, что еще... Опыт работы — можно кратко... В формате PDF все отпра...

— Извините, — перебиваю я. — У меня нет компьютера. Скажите, пожалуйста, почтовый адрес — я письмом пришлю.

Мой собеседник тихонько цокает языком. На заднем плане слышится приглушенный шорох, потом другой голос.

— Ну, скоро там? — щебечет женщина, по-видимому, молодая.

— Да-да, адрес... адрес... так... — поспешно и громко отвечает мужчина. Он диктует адрес в Токио, затем поправляется, называет другой — в нашем городе. — Извините, индекс уточните сами, хорошо? Ну все, до свидания. — Он вешает трубку, не дожидаясь ответа.

Какое-то время я продолжаю смотреть на телефон, который нагрелся от разговора, потом осторожно приоткрываю шторы. Солнечный свет снова бьет в глаза. Передо мной хозяйкин двор, утопающий в ярких розах, — в то время как телефонный разговор наводил на мысли о чьей-то беспутной ночи; с моим нарушенным восприятием времени этот диссонанс совершенно сбивает с толку.

Комната, куда впервые за долгое время проникли солнечные лучи, выглядит ужасно грязной. Мусорное ведро переполнено, повсюду разбросана одежда, по углам — комки пыли. Я медленно поднимаюсь с места: надо бы развесить постиранное перед тем, как отправлюсь за бланком для резюме.

Я беру в руки темно-синее платье, которое выбрала накануне вечером, подношу его к подбородку и смотрю на свое отражение в зеркале.

Платье я купила, чтобы пойти на свадьбу одноклассницы. Не слишком яркое, рукава мягко расширяются, а на шее сбоку большой бант.

Я влюбилась в него с первого взгляда, но ни разу не смогла завязать так же красиво, как на

витрине. Бант только мялся под моими отросшими, неухоженными волосами. Я осторожно тяну за кончик ленты и, сняв его, убираю вовсе.

Без банта платье выглядит простовато, но, кажется, лучше мне подходит. Впрочем, наряжаться на собеседование все равно смысла нет. Я смотрю на темно-синюю материю в зеркале — такую темную, что приходится вглядываться изо всех сил, чтобы понять, что она не черная.

...Через несколько дней после того, как я отправила резюме, у меня среди ночи зазвонил телефон. Некоторое время я с колотящимся сердцем тупо таранилась на незнакомый номер: все это словно происходило в кошмарном сне. Бесконечная ночь захватила меня в плен, и трезвонящий телефон готов был соединить с кем-то в ее пучине.

Звонки не умолкали бесконечно долго. Наконец я, набрав в грудь воздуха, сняла трубку.

— Добрый вечер, — произнес незнакомый голос. — Это Вакамия Итика? — Имя он как будто прочитал с листа. Голос был глубоким и спокойным — совсем как темно-синий цвет моего платья, сдержанный, но богатый оттенками.

— Да, это я.

Наступила тишина — такая полная, что словно бы поглотила собой все вокруг.

— Красивое имя.

Красивое? Моя фамилия состоит из иероглифов «молодая принцесса», имя — «один аромат». Пока я размышляла об этом, глубокий голос продолжил:

— Я посмотрел ваше резюме.

Он неторопливо объяснил, что хочет пригласить меня на собеседование, и попросил прийти по адресу, куда я отправляла письмо. Говорил он негромко и так мягко, что каждое слово мгновенно выскальзывало у меня из головы, но при этом не забывалось — смысл сказанного чудесным образом оставался где-то в сознании, будто давно знакомый пейзаж.

— У вас есть вопросы? — поинтересовался он после того, как назначил дату.

Вопросов был миллион — ведь я ровным счетом ничего не знала о работе, но задавать их сейчас, до того, как меня приняли, казалось неуместным.

— Можно уточнить одну вещь?

— Слушаю.

— Как называется ваша компания?

Резюме меня просили адресовать просто «Ога-ве-сан».

— Как называется? — прошептал голос. — А! — Раздался короткий смешок, но я каким-то образом поняла, что смеются не надо мной. — Вам, значит, не сказали. — Он вдруг произнес что-то округлое, грассирующее — явно на иностранном языке. Ничего толком не разобрав, я хотела было переспросить, но передумала. Приду на место и там уже выясню.

Поблагодарив, я ожидала, что мой собеседник положит трубку, но он как будто ждал того же, поэтому я попрощалась первой и отключилась. Только тогда до меня дошло: со мной говорил не тот резковатый мужчина, что в первый раз.

Глубокий голос по-прежнему звучал у меня в ушах, и я, поразмыслив, решила, что на собеседование пойду в темно-синем платье.

...Закончив со сборами, я спускаюсь по лестнице. Возле изгороди снова склонилась над клумбой хозяйка. Она пригибает и безжалостно обрезают чрезмерно вытянувшиеся побеги роз. Боясь опоздать, я отвожу взгляд и лишь слегка кланяюсь, пробегая мимо. Не тут-то было.

— Нечасто ты так наряжаешься, — окликает меня она. Пока я думаю, как ответить, чтобы разговор не затянулся, хозяйка протягивает мне алую розу. — Молоденькая ведь еще. Тебе бы сережки носить, духами пользоваться. Хоть бы губы красила, что ли. Вот, возьми. Только сегодня утром распустилась.

Видимо, решила, что я иду на свидание. Она чуть ли не насильно впихивает розу мне в руки. Короткие ногти обведены черной каймой от возни с землей.

— Да ты не бойся, этот сорт почти без шипов.

Я аккуратно беру зеленый стебель — и, кажется, ощущаю кончиками пальцев прохладу, которую навеивает розовый куст.

— Красивая, — говорю я, но в действительности в моей душе ничто не шевелится. Роза красная. Яркая. Такая яркая, что я жмурюсь. Красивая? Не знаю.

Хозяйка с довольным видом провожает меня взглядом. Когда дом скрывается из виду, я оборачиваю стебель розы платком и аккуратно, чтобы

не память, кладу ее в сумку, которую оставляю полуоткрытой.

Автобус везет меня через район, изобилующий музеями и галереями. Постепенно дорога становится шире. В какой-то момент я выхожу и иду вверх по склону. Прохожу через хвойный лес — и передо мной открываются кварталы особняков, окруженных заборами. Здесь, на холме, полно старых домов, которые своими размерами и ухоженными садами больше напоминают поместья. Повсюду цветы: кизил, азалия, шиповник, зверобой, в одном месте даже японский сад с беседкой, увитой великолепной глицинией. От этого разноцветья в глазах рябит. Я предполагала, что направляюсь сюда, но навигатор в телефоне указывает еще выше по склону. Оглянувшись, вижу панораму города: где-то справа виднеется улица, где я живу; на горизонте тонкая светло-серая полоска — наверное, море.

Вышла я заранее, чтобы не опоздать, но от подъема по склону на каблуках с непривычки болят икры. К тому же туфли мне натирают. Вокруг ни магазинов, ни кафешек, где можно было бы передохнуть.

Что ж, ничего не остается, кроме как ковылять дальше. Расстояние между домами становится все больше, и внезапно я оказываюсь в тени. С обеих сторон дороги высятся деревья разных пород — такие огромные, что нужно задрать голову, чтобы увидеть их верхушки. В глубине рощи виднеются поваленные трухлявые стволы. Под деревьями —